

А. В. Крысанова

**ТЕЛЕСНОСТЬ БЕСТЕЛЕСНОГО:
ОБРАЗ ПОЭТА В ЛИРИКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ**

Проблематика тела рассматривается в контексте мировидения М. Цветаевой. Исследуется вопрос преобразования тела человека в тело поэта. Выявляется своеобразие спациопоэтики тела.

The topic of body is considered in the context of M. Tsvetayeva's world view. The author focuses on the problem of transformation of human body into the body of a poet and identifies the features of the spatiopoetics of body.

Ключевые слова: М. Цветаева, тело, пространство, плоть, дух, душа, смерть, жизнь.

Key words: M. Tsvetayeva, body, space, flesh, spirit, soul, death, life.

В одном из писем, адресованных А. В. Бахраху, Цветаева формулирует существенный для ее миропонимания вопрос: «...есть ли у Вас мир, кроме моего: ДУШИ¹? — Значат ли что-нибудь в Вашей жизни: дела, деньги, друзья, идеи, войны, новости, открытия, смена правительств, моды, — все чем заполнен день (— проще бы “Дни”). Вне их отражения в мире Души, конечно (которое есть преображение!), ибо тогда: и вода — не вода и земля — не земля. Существует ли для Вас все это как *такое*?» [1, с. 219]. Этот вопрос продиктован тем, что *все как такое*, не преображенное усилиями души, Цветаева выносит за рамки своего мира (мира Души) и именует жизнью. Данное именование связано с инвертированием отношений жизни и смерти в художественном мире Цветаевой: жизнь является смертью, а смерть — жизнью. Событие смерти понимается как возвращение к истинному бытию, а жизнь — как временное, причиняющее боль расставание со своей духовной сущностью и облачение в человеческие одежды плоти. В этом смысле не случаен и вопрос Цветаевой в одном из писем к тому же адресату: «...не конца ли мы все, в конце концов, хотим. *Бытие в Небытии* — вот музыка! Блаженная смерть!» [2, т. 6, с. 558].

В стихотворении «Сивилла — младенцу» Цветаева дает практически формульные определения смерти и жизни: «Рождение — паденье в дни», «Рождение — паденье в кровь, // И в прах, // И в час...», «То, что в мире смертью // Названо — паденье в твердь», «То, что в мире — век // Смежение — рождение в свет», «Смерть, маленький, не спать, а встать, // Не спать, а вспять»; и, обращаясь к младенцу, родившемуся в земную жизнь, констатирует: «Ты духом был, ты прахом стал» [2, т. 2, с. 137—138].

Жизнь в понимании Цветаевой связана с отягощенностью телом. «Я — это то, что я с наслаждением брошу, сброшу, когда умру... <...> “Я” ЭТО ПРОСТО ТЕЛО... голод, холод, усталость, скука, пустота, зевки, насморк, хозяйство, случайные поцелуи, прочее. Все НЕПРЕОБРАЖЕННОЕ», — пишет Цветаева [2, т. 6, с. 317]. Тело уподобляется тяжелой ноше, которую человек вынужден носить на себе всю жизнь, ожидая освобождения от телесных уз: «В теле как в трюме, // В себе как в тюрьме»; «В теле — как в топи, // В теле — как в склепе, // В теле — как в крайней // Ссылке. — Зачах! // В теле — как в тайне, // В висках — как в тисках // Маски железной» [2, т. 2, с. 254].

В поэтическом мире Цветаевой плоть и дух подчеркнута полярны («Плоти — плоть, духу — дух, // Плоти — хлеб, духу — весть, // Плоти — червь, духу — вздох» [2, т. 1, с. 399]), что, в свою очередь, диктует наличие устойчивого сюжета — преодоление телесных ограничений посредством разрушения границ тела и движения навстречу духовному бытию. Устремленность в духовное пространство обусловлена и его особыми свойствами: это пространство не только абсолютной духовности — божественный мир, но и пространство поэтического вдохновения, которое не приемлет ничего от человеческой природы. Поэтому одно из главных стремлений лирической героини — стать чистым духом, иными словами, преобразиться. Надо сказать, что для Цветаевой степень проявленности духа в поэте, в его судьбе, была важнейшим критерием гениальности, неотмирности. В «Сводных тетрадах» она

¹ Выделения в цитатах принадлежат М. Цветаевой. — А. К.

пишет о смерти Блока: «Удивительно не то, что он умер, а то, что он жил. Мало земных примет, мало платья. Он как-то сразу стал ликом, заживо-посмертным... <...> Весь он — такое явное торжество духа, такой воочию — дух, что удивительно, как жизнь вообще — допустила? (Быть *так* в нем — разбитой!). Смерть Блока я чувствую как вознесение»; «...я Блока ощущаю братом Рильке, его младшим в святости — и мученичестве» [1, с. 52].

Тело, с точки зрения поэта, живет ложной жизнью. Отвергаясь от жизни тела, поэт обретает способность преодолевать его ограничения, как бы «снимать» его на время, становясь духовной сущностью и получая возможность находиться в пространстве абсолютной духовности, где расположен источник поэтического вдохновения. Человек противопоставляется поэту по степени преобладания человеческой, телесной логики над логикой духовного бытия: «Многие лета! // Жив — дорожи! // (Только поэты // В кости — как во лжи!) // Нет, не гулять нам, // Певчая братья, // В теле как в ватном // Отчем халате» [2, т. 2, с. 254].

Соприкосновение поэта с инобытием в поэтическом мире Цветаевой возможно, как правило, в ночное время, когда открыты все слуховые шлюзы, и поэт может беспрепятственно слушать. При этом природа человеческого тела претерпевает значительные изменения. Тело «истончается», становится «продуваемым». Поэт уподобляется лику. Дух, проступающий через истонченное тело, преобразует его, делает практически отсутствующим. Такие телесные и слуховые метаморфозы происходят, например, в поэтическом цикле «Бессонница»: «Ах, нынче ветру до зари — дуть // Сквозь стенки тонкие груди — в грудь»; «Вздвигаются не волосы — а мех, // И душный ветер прямо в душу дует»; «После бессонной ночи слабеет тело, // Милым становится и не своим, — ничьим. // В медленных жилах еще занывают стрелы — // И улыбаешься людям, как серафим. // После бессонной ночи слабеют руки // И глубоко равнодушен и враг и друг. // Целая радуга — в каждом случайном звуке, // И на морозе Флоренцией пахнет вдруг»; «Это ночь зажгла // Этот светлейший лик...» [2, т. 1, с. 282, 284, 282 — 283]. Ночь именуется «праматерью песен», тело лирической героини уподобляется источнику звука — раковине: «Черная, как зрачок, сосущая // Свет — люблю тебя, зоркая ночь. // Голосу дай мне воспеть тебя, о праматерь // Песен, в чьей длани узда четырех ветров. // Клича тебя, славослова тебя, я только // Раковина, где еще не умолк океан» [2, т. 1, с. 285]. В результате преобразования собственного тела в источник звука поэт способен некоторое время инерционно воспроизводить смыслы, обретенные в пространстве инобытия.

Поиски Цветаевой лежат в области одухотворения «одушевленной» поэзии и совлечения душевности с поэта: «...душа, которую бытовик полагает верхом духовности, для человека духа — почти плоть. ...Все событие стихов — от наития поэта до восприятия читателя — целиком происходит в душе, этом первом, самом низком небе духа. <...> Поэт! поэт! Самый одушевленный и как часто — может быть одушевленностью своей — самый неодухотворенный предмет!» [2, т. 5, с. 361].

В этом смысле особое семантическое наполнение приобретает в лирике Цветаевой оголенность как синоним бестелесности поэта или не-

достаточности кожного покрова. Близость к вечности истончает его плоть до отсутствия, крылатая душа выступает из устраненного тела, дух высвобождается навстречу духовной реальности: «А чтоб скатертью не тратиться — // В яму, место низкое, // вытряхнут <вас всех со скатерти:> // С крошками, с огрызками. // Каплуном-то вместо голубя // — Порох! Душа — при вскрытии. // А меня положат — голу: // Два крыла прикрытием» [2, т. 2, с. 314].

Немаловажным представляется и то, что само внутреннее пространство тела может выступать как путь в инобытие. При этом само тело — пусто, но в области груди располагается особое пространство, которое Цветаева обозначает как дом души. Несмотря на то что Цветаева пишет о разъединенности тела и души («Тело — опустелый дом души... тело: тоска по душе. Душа — охотник, охотится на вершинах, за ней не угонишься» [1, с. 340]), тем не менее если душа когда-нибудь и возвращается в тело, то именно в грудное пространство. «То, что в груди, под черепной крышечкой — неосвязаемо — недоказуемо — вот я... Почему никто от Революции не спасается внутрь себя, под веки, вглубь собственной груди, в свой единственный дом — Душу?» — говорит Цветаева в одном из своих эссе [2, т. 5, с. 260].

В связи с этим движения *на* грудь и *в* грудь приобретают разные смысловые оправдания. *В* грудь — значит в дом души, а в итоге — в пространство абсолютной духовности; *на* грудь — к возлюбленному и к страстной любви: «Над синеморской лоханью — // Воинствующий взлет. // Божественное задыханье // дружб отроческих — вот! <...> Объятие, когда руки и ноги // И тело — ни при чем. <...> Из рук любовниковых — ризы // высвобожденный край. // И пропастью в груди (что нужды // В сем: косное грудь в грудь?) // Архангельской двусторой дружбы // Обморочная круть» [2, т. 2, с. 78–79]. Лирическая героиня направляется в инобытие через пространство тела, а именно через пропасть в груди. Ожидаемый итог этого движения — выход из тела, которое выполняет роль своеобразного поезда в бессмертие — в жизнь духа, не отягощенного телесной оболочкой: «(Не на грудь хотим, а в грудь!) // К Нилу — иль еще куда-нибудь // Дальше! За предельные пределы // Станций! Понимаешь, что из тела // Вон — хочу!.. // ...За потустороннюю границу: // К Стиксу!..» [2, т. 2, с. 232].

Список литературы

1. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. М., 1997.
2. Цветаева М. Собр. соч. : в 7 т. М., 1995.

Об авторе

Анастасия Владимировна Крысанова — ассист., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: kryvla@mail.ru

About author

Anastasiys Krysanova, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: kryvla@mail.ru